

Groupe de réflexion Post-Covid-19

Publication n° 8

COVID-19 и Центральная Азия-2020. Новые угрозы, вызовы и возможности

Досым Сампаев – Ph.D. Директор «Kazakhstan Risks Assessment Group»

В Организации Объединенных Наций заявили, что ударная волна пандемии COVID-19 обрушилась на экономики развивающихся стран намного сильнее, чем мировой финансовый кризис 2008-2009 годов, так как коронавирус нанес развивающимся странам сильный удар в виде оттока капитала, удорожания кредитов, обесценения валют и потери экспортной выручки из-за краха цен на сырье.

Понятно, что эта волна накроет и страны Центральной Азии, так как все они также являются развивающимися государствами и зависят от притока капитала из-за рубежа. У большинства из них есть одинаковые внешние источники финансирования – это займы международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития и др.), а также китайские кредиты. Но также у разных стран ЦА, есть и свои специфические источники притока капитала. У Казахстана, это доходы от продажи сырья, которые сейчас резко упали, в первую очередь из-за падения цен на нефть. В прошлом году, когда в республике формировали трехлетний бюджет страны, самый пессимистический сценарий был \$45 за баррель. Но любое снижение цен на нефть ниже \$45 представляет очень серьезную проблему для казахстанской экономики, так как около 44% государственного бюджета страны формирует нефтегазовый сектор. То есть, Казахстан получил удар с двух сторон: пандемия коронавируса и резкое падение цен на нефть. В итоге, в соответствии с предварительным прогнозом МВФ, ВВП республики может продемонстрировать значительный спад впервые со времен кризисов, вызванных последствиями развала СССР в 1991 (кризис 1991-1996), а также кризисом «Азиатских тигров» и российским кризисом (кризис 1997-1998). По прогнозам некоторых экспертов, в результате карантинных мероприятий могут полностью или частично лишиться доходов, по различным оценкам, от 500 тыс. до полутора миллионов человек. В Казахстане большинство населения традиционно не имеет сбережений, а, следовательно, запаса прочности на черный день. Так было до коронавируса и до низких цен на нефть, так будет и после. Для многих такая ситуация является перманентной. Это значит, что после эпидемии, при сохранении высокого уровня безработицы и медленного восстановления экономики, многим придется снова влезать в долги и брать кредиты для того, чтобы просто прокормить свои семьи. То есть попытка государства решить текущую проблему с отсрочкой по действующим кредитам в условиях кризисной ситуации не учитывает то, что закредитованность населения это не столько издержки психологии общества потребления. Она имеет гораздо более глубокие корни в сложившейся социальной структуре общества, где для многих казахстанцев небольшой займ или кредит до зарплаты стал частью стратегии их выживания. И после коронавируса появятся новые бедные из числа тех, кто когда-то входил в средний класс или не успел в него войти, упав на социальную ступень ниже, как это было со многими после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Понятно, что такая ситуация негативно может сказаться на сохранении социально-политической стабильности.

Что касается других стран ЦА, то одним из важных финансовых источников для них являются денежные переводы трудовых мигрантов, в первую очередь из России и Казахстана (для Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана), а также из Турции (для

Туркменистана). Появились пессимистические прогнозы, что в 2020 году темпы роста объема денежных переводов значительно снизятся, примерно на 50%, из-за совокупного воздействия пандемии коронавируса и падающих цен на нефть, что может привести к экономической рецессии в Казахстане и России, а также в других странах, куда приезжают трудовые мигранты.

Кроме этого, девальвация местных валют, рост цен, увеличение инфляции, стагнация бизнеса и рост безработицы грозит всем центрально-азиатским экономикам. Понятно, что все это может быть основой для роста социального напряжения. Это стали осознавать власти в Казахстане, где из Национального фонда, уже решил выделить \$10 миллиардов долларов на антикризисную программу, в том числе на поддержку социально уязвимых слоев населения, а также МСБ. Но здесь также есть определенный признак политтехнологии со стороны президента страны К.Токаева, который после скандальных выборов прошлого года пытается поднять свою легитимность и популярность в глазах общества в рамках своей концепции «слышащего государства». Казахстанскую власть в прошлом году сильно встревожил рост протестных настроений по всей стране, при этом значительная часть этих настроений стала политизироваться. В этот раз риск связан с тем, что значительная часть выделенных денег в рамках антикризисной программы может быть разворована или неэффективно израсходована громоздким бюрократическим аппаратом, который и при Н.Назарбаева, умудрялся заваливать многие государственные программы. Естественно, что в условиях нарастающего социально-экономического кризиса, казахстанские власти опасаются новой волны протестов в стране, особенно в преддверии парламентских выборов, которые должны пройти в 2021 году.

Кстати, Кыргызстан также готовится к парламентским выборам в этом году. Понятно, что антикризисные действия властей будут одной из главных тем выборов. Если они будут эффективными, то это даст дополнительный козырь в руки президента С.Жээнбекова. Если провалятся, то могут оживить разношерстную оппозицию. Хотя, в отличие от Казахстана, в Кыргызстане, как и в других странах ЦА, нет Национального фонда, поэтому в основном придется рассчитывать на финансовую поддержку Китая и помощь международных финансовых институтов, в том числе касательно введения моратория на востребование долгов. МВФ и Всемирный банк уже решили отсрочить платежи по кредитам для беднейших стран. Но только до конца года. Насколько известно, Кыргызстан также попросил у Китая отсрочку по выплате долга. Возможно, с такой просьбой к Китаю обратится другой крупный китайский должник в лице Таджикистана.

Но уровень роста социальной напряженности в тех странах ЦА, экономики которых зависят от денежных переводов трудовых мигрантов, в значительной степени будет зависеть от модели поведения самих трудовых мигрантов. Если значительная их часть все-таки останется там, где у них была работа в надежде на лучшие времена, то это может спасти страны ЦА от более мощных социальных взрывов. Больше всего, власти стран ЦА опасаются, что наступление лучших времен затянется в той же России или Казахстане, что может заставить часть молодых трудовых мигрантов вернуться домой на длительный период.

При этом, возможно, в отличие от Кыргызстана, в других странах ЦА, выразить свой протест неэффективной антикризисной политикой через выборы население не может. Остаются только социальные протесты, так как других клапанов для выпуска пара не появились. Хотя, есть еще одна вещь, которая объединяет все страны региона. Это целенаправленная работа местных властей по нейтрализации оппозиции. В одних государствах региона, таких как Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан ее нет в принципе. В других, как Казахстан и Кыргызстан, она раздроблена и не является

общенациональной силой, которая могла бы объединить вокруг конкретного лидера большинство протестных настроений в обществе.

Но социальное напряжение будет расти. И здесь может появиться, довольно благоприятная среда для альтернативной власти в лице неформальных структур, в том числе религиозных. Кстати, интересную ситуацию сейчас можно наблюдать в Италии, где ситуация с коронавирусом была одной из самых сложных в Европе. В том числе у многих людей возникли серьезные финансовые проблемы. И помощь стали предлагают местные мафиози, которые стали оказывать продовольственную и финансовую помощь нуждающимся, чтобы заручиться доверием людей и одновременно создать альтернативную государству антикризисную структуру. И по сравнению с государственными службами они оказывают помощь гораздо эффективнее. Но, естественно, с расчетом, что потом можно будет получить поддержку тех, кому они помогали. То есть в условиях отсутствия денег у государства для социальной поддержки населения или в условиях неэффективного распределения таких денег во время кризиса, всегда появляется возможность для разных альтернативных центров власти заменить собой государство. Не секрет, что например, некоторые радикальные структуры довольно успешно занимались социальной реабилитацией бывших заключенных, занимаясь привлечением их в свои ряды, лишь только потому, что для государства и общества такие люди были аутсайдерами. Таким образом, неэффективная антикризисная программа государства не только может спровоцировать рост социальной напряженности, но и дает определенные возможности всем неформальным структурам перетянуть на свою сторону тех, кто будет испытывать кризис доверия к власти и к обществу.

Пандемия коронавируса также очень наглядно продемонстрировала, что любая чрезвычайная ситуация глобального масштаба тут же включает механизм самосохранения, когда каждое государство начинает в первую очередь помогать самому себе. Тут же многие забывают лозунги о братстве, дружбе и взаимопомощи. Например, министерство сельского хозяйства Казахстана ввело запрет на вывоз за пределы республики некоторых видов продовольственной продукции, в частности пшеницы и муки, хотя одними из основных импортеров этой продукции были страны ЦА. Естественно, возникает вопрос: «Будут ли новые чрезвычайные ситуации глобального характера провоцировать такую же модель поведения, когда каждый сам за себя, на региональном уровне или появится необходимость создания внутрорегионального механизма взаимопомощи и поддержки?». Кстати, этот вопрос оказался актуален и для Европейского Союза, где Италия стала обвинять Брюссель в том, что ЕС бросил Италию на произвол судьбы во время разгара эпидемии коронавируса. Понятно, что ЦА это не ЕС, но определенные новые направления сотрудничества внутри региона должны получить развитие, как, например, в медицинской сфере, в разработке вакцин, в производстве медицинской техники и материалов. Главные производители всего этого - ведущие мировые экономики. Эпидемия указала на крайнюю уязвимость других стран с точки зрения отсутствия производства собственной медицинской продукции, оборудования и значительного количества медикаментов. Импорт в наших странах царствует везде. Если исходить из того, что новые пандемии будут более частыми явлениями, то к будущей буре нам надо готовиться сообща. А ведь нынешняя пандемия коронавируса это лишь цветочки по сравнению с появлением супервируса с более высокой смертностью и с такой же скоростью заражения, о котором уже давно предупреждают вирусологи. Речь также идет не только о новой пандемии, но и последствиях климатических изменений, которые могут больно ударить по всему региону. Власти стран ЦА все время разрабатывают многочисленные программы социально-экономического развития своих государств без учета разных потенциальных угроз, которые могут поставить крест на всех этих программах.

Что касается наших соседей, то одним из первых из финансово-экономического кризиса после пандемии коронавируса может выйти Китай, который попытается еще больше укрепить свои позиции в регионе, в том числе в качестве кредитора. Кстати, Китай уже активизировал оказание гуманитарной помощи большинству стран Центральной Азии с расчетом на улучшение своего имиджа в регионе. Например, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан, вошли в список государств, которые получили помощь в борьбе с пандемией коронавируса от фондов китайского миллиардера, основателя «Alibaba Group» Джека Ма.

В свою очередь, финансово-экономические возможности России будут довольно серьезно подорваны не только из-за коронавируса, но также из-за низких цен на сырье. То есть рассчитывать на увеличение инвестиционной активности России в ЦА не придется. Аналогичная ситуация будет наблюдаться в ЕС, США и других странах, которым понадобится время, чтобы выбраться из глубокой ямы экономического кризиса. Хотя политическое сотрудничество с ЦА у всех этих игроков сохранится на прежнем уровне, как на двусторонней основе, так и в рамках многосторонних форматов или региональных организаций.